

PHILOLOGY OF THE EAST
Literature of the peoples of the world
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Литература народов мира

Научная статья

Филологические науки

УДК 821.211.09+294.3

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-356-373>

**Сюжет о побоище палицами в индуистской
и буддийской традициях (по материалам
«Маусалапарвы» и «Гхатапандитаджатаки»)**

Ксения Александровна Шишова-Маретина

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской
академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
maretina@kunstkamera.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2445-4050>*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью палийской версии сюжета о гибели рода Кришны в отечественной индологии и отсутствием полного академического перевода «Гхатапандитаджатаки» на русский язык. Сопоставление буддийского и эпического вариантов сказания позволяет выявить механизмы трансформации фольклорно-мифологического материала в разных религиозно-культурных традициях. Цель работы — представить комментированный перевод «Гхатапандитаджатаки» с пали и провести сравнительно-сопоставительный анализ воплощения сюжета о побоище палицами в данном памятнике и в «Маусалапарве» «Махабхараты». Источниками послужили оригинальные тексты «Маусалапарвы» и «Гхатапандитаджатаки». Основные методы — сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный анализ текстов, дополненные историко-литературным комментарием. Выявлено, что оба памятника, возможно, восходят к единому пласту устных сказаний, на что указывают совпадения ключевых мотивов (пророчество о рождении палицы, превращение травы эрака в оружие, гибель Кришны от стрелы охотника Джары). В «Махабхарате» сюжет разработан развернуто, психологически насыщен и включен в эпический контекст, тогда как в джатаке он редуцирован и подчинен буддийской дидактике, где центральным становится эпизод поучения Гхатапандиты о тщете скорби. «Гхатапандитаджатака» представляет собой самостоятельную обработку исходного сюжета, адаптированного для проповеди буддийского учения о непостоянстве (анисса) и непривязанности. В отличие от эпического образа божественного Кришны, в джатаке он предстает как антропоморфный и этически

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

неоднозначный персонаж. Публикуемый перевод вводит в научный оборот новый источник для изучения сравнительной мифологии и истории литературы древней Индии.

Ключевые слова: побоище палицами, Махабхарата, Маусалапарва, Гхатапан-дитаджатака, джатака, палийский канон, Кришна, сравнительный анализ, индуизм, буддизм

Благодарности: Автор пользуется случаем выразить благодарность своему учителю в сфере эпосоведения, доктору филологических наук Светлане Леонидовне Невелевой, чьи труды и наставления сделали возможным подготовку данного исследования.

Для цитирования: Шишова-Маретина К. А. Сюжет о побоище палицами в индуистской и буддийской традициях (по материалам «Маусалапарвы» и «Гхатапан-дитаджатаки»). *Ориенталистика*. 2026;9(2):356–373. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-356-373>.

Original article

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2026-9-2-340-357>

Philology studies

The Narrative of the Club Massacre in Hindu and Buddhist Traditions (Based on the *Mausala Parva* and the *Ghaṭapaṇḍitajātaka*)

Ksenya A. Shishova-Maretina

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia,
maretina@kunstkamera.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2445-4050>

Abstract. The present article was prompted by two facts: firstly, the Pāli version of the narrative concerning the demise of Kṛṣṇa's lineage invites further research in the Russian Indology, and secondly, that the complete academic translation of the Ghaṭapaṇḍitajātaka into Russian still remains a desideratum. A comparison between the Buddhist and epic versions of this legend makes it possible to identify mechanisms which underlay the transformation of folkloric and mythological material within distinct religious and cultural traditions. The aim of the present article is to provide an annotated translation of the Ghaṭapaṇḍitajātaka from Pāli into Russian, accompanied by a comparative analysis of how the episode of the club massacre is presented in this text and in the Mausala Parva of the Mahābhārata. The primary sources are the original texts of the Mausala Parva and the Ghaṭapaṇḍitajātaka. The research methods employed are comparative-typological and comparative-contrastive textual analysis, accompanied by historical and literary commentary. The results make it obvious that both texts originate from a common stratum of oral traditions, as evidenced by the concurrence of key motifs (the prophecy concerning the birth of a club, the transformation of eraka grass into a weapon, and Kṛṣṇa's death at the hands

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

of the hunter Jarā). In the Mahābhārata, the narrative is elaborated in detail, psychologically nuanced, and integrated into the epic context, whereas in the jātaka it is condensed and subordinated to Buddhist didacticism, with the central episode becoming Ghaṭapaṇḍita's instruction on the futility of grief. The Ghaṭapaṇḍitajātaka represents an independent reworking of the original plot, adapted to propagate the Buddhist teachings of impermanence (anicca) and detachment. In contrast to the epic portrayal of a divine Kṛṣṇa, within the jātaka he emerges as an anthropomorphic and ethically ambiguous figure. The translation into Russian offers the learned public a new source for the study of comparative mythology and the literary history of ancient India.

Keywords: club massacre, Mahābhārata, Mausalaparvan, Ghaṭapaṇḍitajātaka, jataka, Pāli Canon, Kṛṣṇa, comparative analysis, Hinduism, Buddhism

Acknowledgements: The author takes this opportunity to express gratitude to his teacher in the field of epic studies, Doctor of Philological Sciences Svetlana Leonidovna Neveleva, whose works and instructions made the preparation of this study possible.

For citation: Shishova-Maretina K. A. The Narrative of the Club Massacre in Hindu and Buddhist Traditions (Based on the Mausala Parva and the Ghaṭapaṇḍitajātaka). *Orientalistica*. 2026;9(2):356–373. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-9-2-356-373>.

Введение

Сюжет о гибели племени вришнеев и андхаков, также известный как сказание о побоище палицами (*musala*), принадлежит к числу ключевых эпизодов, завершающих земной путь Кришны-Васудевы и его рода. Наиболее развернутое изложение этот сюжет получил в XVI книге санскритского эпоса «Махабхарата» — «Маусалапарве» («Книге о побоище палицами»). Однако он не является исключительным достоянием эпической традиции индуизма. Значительно менее изученная версия представлена в палийском буддийском каноне, а именно в «Гхатапандитаджатаке» (Jātaka № 454), входящей в состав «Кхуддака-никаи». Наличие общего сюжета в памятниках, принадлежащих к разным религиозным традициям (индуизм и буддизм), разным языковым ареалам (санскрит и пали) и разным жанровым системам (эпос и джатака), представляет значительный интерес для сравнительной филологии и истории литературы. Сопоставительный анализ этих двух версий позволяет не только выявить специфику трансформации фольклорно-мифологического материала при его включении в разные идеологические и литературные контексты, но и пролить свет на вопросы генезиса и взаимовлияния древнеиндийских повествовательных традиций.

В современной зарубежной индологии проблема взаимодействия буддийской и брахманистской повествовательных традиций разрабатывается прежде всего в работах буддолога Наоми Эпплтон [Appleton, 2016a; Appleton, 2016b], которая на материале жанра джатак демонстрирует, как раннебуддийские нарративы включали и перерабатывали сюжетные мотивы, общие с «Махабхаратой» и джайнскими текстами, что, с ее точки зрения, указывает

на существование единого повествовательного фонда. Фундаментальная модель индолога Йохана Бронкхорста [Bronkhorst, 2007; Bronkhorst, 2011] о культурной независимости буддизма в регионе «Великой Магадхи» задает исторический контекст для понимания того, почему нарративные пересечения не сводимы к простой вторичности одной традиции по отношению к другой, а представляют собой результат сложного взаимодействия. Механизмы взаимного нарративного заимствования между различными индийскими повествовательными традициями нередко затрагиваются в тематических сборниках; так, в сборнике «Многочисленные “Рамаяны”: Многообразие повествовательной традиции в Южной Азии» [Many Ramayanas: The diversity of a narrative tradition in South Asia, 1991] представлен в том числе сравнительный анализ индуистской «Рамаяны» и буддийской «Дашаратхаджатаки» (Jā 461).

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью палийской версии сюжета о побоище палицами в отечественной индологии, а также отсутствием полного академического перевода «Гхатапандитаджатаки» на русский язык. Введение в научный оборот перевода этого памятника и его сопоставление с эпическим аналогом позволяет восполнить существующую лауну. Источником для исследования послужили критическое издание текста «Маусалапарвы» на санскрите [*The Mahābhārata: Āśramavāsikaparvan, Mausalaparvan, Mahāprastāntkaparvan [and] Svargārohaṇaparvan*, 1959] и оригинальный текст «Гхатапандитаджатаки» на пали [*Khuddakanikaya. Jātaka-Atthakathā. Sattamo Bhāgo*, 1998], а также существующие переводы и комментарии к ним. Основной метод работы — сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный анализ текстов, дополненный историко-литературным комментарием. Цель данной статьи — представить комментированный перевод «Гхатапандитаджатаки» с пали и проанализировать особенности воплощения сюжета о побоище палицами в сравнении с его версией в «Маусалапарве».

Жанровая специфика джатак и место «Гхатапандитаджатаки» в палийском каноне

«Джатаки» (пали *Jātaka* — «[повесть] о рождении») представляют собой один из наиболее значительных памятников повествовательной литературы буддизма. Они входят в состав «Кхуддака-никаи» — пятого раздела «Сутта-питаки», которая, в свою очередь, является частью палийского канона «Типитака» школы тхеравада. Тексты джатак сложились на основе устной традиции, восходящей к первым векам существования буддизма (приблизительно III–II вв. до н. э.), и были письменно зафиксированы на Шри-Ланке, куда попали вместе с миссионерами из Индии.

Композиция каждой джатаки подчинена строгой структуре, которая включает пять обязательных элементов:

1. «Повесть о настоящем» (*paccuppannavatthu*) — вводный эпизод, описывающий событие из жизни Будды Шакьямуни, послужившее поводом для произнесения данной проповеди.

2. «Повесть о прошлом» (*atītavatthu*) — основной нарратив, в котором Будда повествует о своем предыдущем рождении (в образе бодхисаттвы), иллюстрируя кармическую связь между прошлым и настоящим.
3. Гатхи (*gāthā*) — стихотворные строфы, заключающие в себе морально-дидактический смысл рассказа. Именно эти стихи считаются каноническими и древнейшей частью джатаки.
4. Вьякарана (*veyyākaraṇa*) — грамматический и смысловой комментарий к гатхам, разъясняющий их содержание.
5. Самодхана (*samodhāna*) — заключительная часть, в которой Будда отождествляет персонажей «повести о прошлом» с самим собой и своими современниками, тем самым замыкая композиционное кольцо и демонстрируя действие закона кармы.

Такая рамочная конструкция, предвосхищающая классическую «обрамленную повесть» санскритской литературы (например, «Панчатантру»), обеспечивала дидактическую эффективность текста: занимательное повествование служило «приманкой» для слушателей, а гатхи и заключительное отождествление актуализировали буддийское учение [Эрман, 1989].

Важной особенностью джатак является их опора на до- и внебуддийский фольклорный материал. Как отмечает Б. Захарьин, буддийские проповедники сознательно адаптировали популярные народные сюжеты — сказки, басни, легенды — для распространения идей дхаммы среди широких слоев населения [Эрман, Парибок, 2003]. Эта адаптация часто ограничивалась лишь внешней «буддизацией»: главный положительный герой отождествлялся с бодхисаттвой, а в финале провозглашались буддийские истины. Само же содержание могло сохранять черты, чуждые или даже противоречащие буддийской этике (например, насилие, месть, нарушение обетов). Такая толерантность к инородным элементам объясняется как миссионерскими задачами буддизма, так и общим синкретизмом индийской культуры, где различные религиозно-философские традиции сосуществовали в тесном взаимодействии [Джатаки. Из первой книги джатак, 1979].

В силу этого в джатаках нередко встречаются сюжеты, персонажи и мотивы, восходящие к санскритскому эпосу и Пуранам. Некоторые исследователи находят много общего между «Вессантараджатакой» (Jā 547) и «Рамаяной» [Gombrich, 1985]. Однако наиболее известны параллели между «Дашаратхаджатакой» (Jā 461) и «Рамаяной», «Шибиджатакой» (Jā 499) и сказанием о царе Шиби в «Махабхарате», а также целым рядом джатак, связанных с легендами о Кришне. «Гхатапандитаджатака» (Jā 454) принадлежит именно к этой группе текстов, воспроизводящих в буддийской обработке эпизоды из жизнеописания Кришны-Васудевы и его рода. Ее уникальность заключается в том, что она представляет собой контаминацию нескольких сюжетных блоков: рождение и возвышение десяти братьев (параллель к детству Кришны), поучение Гхатапандиты о тщете скорби (центральный дидактический эпизод) и, наконец, гибель рода от палиц, явно коррелирующая с содержанием «Маусалапарвы». Таким образом, эта джатака служит ценным

источником для изучения того, как эпико-мифологическая традиция, связанная с Кришной, преломлялась в буддийской среде.

Сюжет о побоище палицами в «Гхатапандитаджатаке» и «Маусалапарве»

«Гхатапандитаджатака» представляет собой буддийскую версию сказания о Кришне (Васудеве) и гибели его рода. Ее сюжетная канва может быть разделена на три основных блока: чудесное рождение и возвышение десяти братьев, включая Васудеву и Баладеву; дидактический эпизод, в котором Гхатапандита (бодхисаттва) исцеляет своего брата Васудеву от скорби по умершему сыну; пророчество о гибели рода и его исполнение — побоище палицами и последующая гибель оставшихся в живых братьев.

В отличие от индуистской традиции, где Кришна мыслится как полная аватара Вишну, в джатаке он (именуемый Васудевой, или Канхой) предстает как один из десяти братьев, сыновей царевны Девагаббхи и царевича-изгнанника Упасагары. Братья описываются как грубые и жестокие люди, которые захватывают власть, убивают своих дядьев и подчиняют себе всю Джамбудвипу¹. Их божественная природа никак не акцентируется; напротив, подчеркиваются их человеческие слабости и агрессивность. Это расходится с каноническими санскритскими версиями жизнеописания Кришны, где его божественность явлена с самого детства.

Центральным для буддийской дидактики является второй блок — притча о Гхатапандите, который, притворившись безумным и требуя лунного зайца², доказывает брату неразумие скорби по умершему. Восемь гатх, произнесенных бодхисаттвой, составляют смысловое ядро джатаки и иллюстрируют буддийский принцип непривязанности (*virāga*) и принятия неизбежности смерти. Именно ради этих стихов, согласно традиции, и была поведана данная история [*Джатаки, или сказания о подвигах Бодхисаттвы*, 1993, с. 3]. Остальные события выполняют роль обрамления, призванного сделать проповедь доступной и занимательной.

Третий блок — история гибели рода — имеет прямые параллели с «Маусалапарвой» и, по-видимому, заимствован из того же источника, что и эпический текст. Однако в джатаке он представлен в значительно редуцированном виде и служит не столько самостоятельным сказанием, сколько фоном для демонстрации действия кармы и предопределенности.

Сопоставление «Гхатаджатаки» и «Маусалапарвы» позволяет выявить как общую сюжетную основу, так и существенные различия в трактовке ключевых мотивов.

Причины гибели. Как справедливо отмечает эпосовед С. Л. Невелева, в «Маусалапарве» можно выделить несколько причин гибели Кришны и всего рода ядавов; точнее будет сказать, что причина их гибели триедина [Невелева, 2005, с. 138]. В обоих текстах гибель рода Васудевы предопределена действием неумолимого Времени (*kāla*) и проклятием, навле-

¹ Джамбудвипа — древнее название Индии.

² Согласно индийским традиционным представлениям, темные пятна на Луне напоминают зайца.

ченным непочтительным отношением к брахманам/отшельникам. Однако в «Маусалапарве» мотив проклятия усилен дополнительным эпизодом: гибель ядавов предрекает также Гандхари, чьих сыновей Кришна не спас в битве на Курукшетре. В джатаке этот сюжетный пласт, связанный с основной линией «Махабхараты», отсутствует, что может свидетельствовать о независимом бытовании легенды о гибели рода в фольклорной среде.

Эпизод с пророчеством. Центральным для обеих версий является эпизод с переодеванием мужчины беременной женщиной с целью испытать провидца. Очевидно, рассказ о гибели рода Кришны основывается в «Маусалапарве» на том же самом принципе противопоставления аномалии норме, на котором строится эпическое описание последней мировой эпохи — Калиюги [Невелева, 2009, с. 73]. Реакция отшельника (в эпосе — группа брахманов, в джатаке — Канхадипаяна³) сходна: он предрекает рождение палицы, которая погубит род. Однако в джатаке конфликт получает более острое разрешение: царевичи убивают провидца сразу после пророчества, тогда как в эпосе брахманы беспрепятственно покидают Двараку.

Побоище палицами. Описание побоища в двух памятниках ритительно отличается. «Маусалапарва» дает развернутую, психологически насыщенную картину ссоры между ядавами, перерастающей в массовое избиение. Здесь важны индивидуальные характеристики персонажей и мотивы их поступков. В «Гхатаджатаке» побоище описано предельно лаконично: «один из них, не найдя в качестве оружия ничего лучше, чем лист *эраки*, вырвал его, а тот в его руке сразу превратился в палицу из дерева акация. Ею он многих убил. Остальные тоже стали рвать листья, и те превращались в палицы, которыми они избивали друг друга, пока все не были убиты»⁴. Такая сжатость соответствует общему стилю джатак, ориентированных на устное произнесение и быстрое запоминание, а также подчиненности нарратива дидактической цели.

Мотив превращения. Превращение листьев *эраки* в палицы присутствует в обоих текстах, что может указывать на общий фольклорный источник. Также общим является мотив уязвимости Кришны в пенту и гибель его от стрелы охотника Джары (букв. «Старость»). В эпосе этот эпизод обставлен подробностями, подчеркивающими божественную природу Кришны (мать окунала его в воды бессмертия). В джатаке этот мотив редуцирован, но сохранен — охотник по имени Джара ранит Васудеву в ногу. Это позволяет интерпретировать гибель героя как аллегорию победы старости и смерти, что вполне согласуется с буддийским учением о непостоянстве (*anicca*).

Гибель Баларама/Баладевы. В обоих текстах Баларама (Баладева) погибает первым после побоища, и его смерть связана с чудесными превращениями. В «Маусалапарве» из его рта выходит белый змей (воплощение Шешы), что символизирует возвращение к вселенской сущности. В джатаке его про-

³ Канхадипаяна (Кришна Двайпаяна) — прозвище великого мудреца Вясы, которому традиция приписывает авторство древнеиндийского эпоса «Махабхарата» и редактирование Вед.

⁴ Авторский перевод этого описания с пали см. в Приложении к этой статье. — К. Ш.-М.

глатывает Муттхика, воплотившийся в образе якиши. Оба варианта восходят к мифологическим представлениям о Балараме как об одном из воплощений змея Шеши, но джатака интерпретирует этот мотив в духе народной демонологии.

Уникальный эпизод. Эпизод с Гхатапандитой, утешающим брата, отсутствует в «Маусалапарве» и является, по-видимому, буддийским дополнением. Он призван сместить акцент с трагической гибели рода на моральное наставление. Благодаря этому введению, вся история о насилии и разрушении получает иную рамку: она становится иллюстрацией того, как мудрый бодхисаттва указывает путь к освобождению от страданий.

Проведенное сопоставление позволяет сделать следующие выводы. Можно предположить, что «Гхатапандитаджатака» и «Маусалапарва» восходят к общему пласту сказаний о Кришне-Васудеве и его роде, бытовавших в устной традиции. Однако каждый памятник адаптирует этот материал в соответствии со своими жанровыми и идеологическими задачами. Так, «Маусалапарва» включает сказание в грандиозное эпическое полотно, связывая его с судьбами главных героев «Махабхараты» и придавая ему трагическое звучание. Образ Кришны здесь двойственен: он и божество, и человек, подчиненный року. Гибель ядавов осмысливается как завершение эпохи и торжество Времени. «Гхатаджатака», напротив, использует сюжет как рамку для буддийской проповеди. Подробности событий редуцируются, на первый план выдвигается дидактический эпизод. Трагическое побоище, которое в «Маусалапарве» является самостоятельной развязкой, в джатаке редуцируется до краткого обрамления, уступая место беседе Гхатапандиты и Васудевы. Занимательное повествование здесь становится «искусным методом» (*upāya*) для проповеди гатх о непостоянстве (*anicca*) и непривязанности (*virāga*). Персонажи утрачивают божественный ореол и предстают как обычные люди, страдающие от страстей и неведения, что служит наглядной иллюстрацией кармического воздаяния. Так, буддийская версия последовательно десакрализует образ Кришны (Васудевы): он лишен божественного статуса, предстает жестоким и уязвимым человеком. В джатаке появляется оригинальный «терапевтический» эпизод с требованием лунного зайца, отсутствующий в эпосе: Гхатапандита исцеляет брата от скорби не магией и не ритуалом, а логическим доведением до абсурда, что созвучно буддийской практике осознанности (*satī*). Таким образом, джатака не просто заимствует сюжет, но целенаправленно перерабатывает его для решения дидактических задач, превращая эпическую историю о роке в буддийскую притчу о причинно-следственной связи и правильном отношении к страданию. Совпадение многих мотивов (превращение травы, уязвимость в пяту, имя охотника Джара) подтверждает, что перед нами не позднее заимствование из эпоса, а параллельная ветвь традиции, сохранившая архаические черты.

Заключение

Проведенный в настоящей статье сравнительный анализ «Гхатапандитаджатаки» и «Маусалапарвы» позволяет сформулировать ряд выводов

относительно специфики бытования общего сюжета о гибели рода Васудевы (Кришны) в двух различных литературных и религиозных традициях.

Прежде всего, результаты сопоставления дают возможность предположить, что оба памятника восходят к единому фонду устных сказаний о героях-вришнейцах, который существовал в Индии задолго до письменной фиксации как эпических, так и канонических буддийских текстов. На это указывают совпадения ключевых мотивов: пророчество о рождении палицы от переодетого мужчины, превращение травы *эрака* в смертоносное оружие, гибель оставшихся в живых братьев в лесу, уязвимость Кришны в пенту и имя охотника Джара («Старость»). Одним из возможных объяснений этих совпадений может служить гипотеза о параллельном развитии сюжета в разных традициях на основе общего повествовательного фонда. Альтернативную интерпретацию предлагает, например, модель Й. Бронкхорста, указывающая на культурную независимость региона Великой Магадхи, что могло способствовать самостоятельному сложению схожих сюжетов в буддийской и брахманистской среде, без обязательного прямого заимствования. Вопрос о направлении и механизмах заимствования остается дискуссионным, и для его окончательного решения требуется дальнейший анализ с привлечением более широкого круга текстов.

Каждый из рассмотренных текстов по-своему перерабатывает общий сюжет, подчиняя его задачам своего жанра и собственной идеологической системы. В «Маусалапарве» сказание о гибели ядавов включено в грандиозное эпическое полотно «Махабхараты» и связано с судьбами главных героев — Пандавов. Образ Кришны здесь обнаруживает двойственность: он предстает и как божественная аватара, и как человек, подвластный неумолимому Времени (*kāla*) и тяготеющему над ним проклятию. Эпическая версия отличается развернутостью описаний, психологической нюансировкой (ссора между ядавами, постепенное нарастание гнева) и трагическим пафосом. Гибель рода осмысливается как завершение эпохи и торжество всеобщего закона разрушения, что соответствует общей философской направленности эпоса.

«Гхатапандитаджатака», напротив, использует сюжет о гибели рода как рамку для буддийской дидактической проповеди. Основной акцент здесь смещен с трагедии рода на эпизод поучения, в котором бодхисаттва Гхатапандита исцеляет брата от скорби. Восемь гатх, составляющих смысловое ядро джатаки, иллюстрируют буддийские принципы непривязанности и принятия непостоянства (*anicca*). Повествование о насилии и гибели редуцировано до краткой схемы, достаточной для поддержания сюжетного интереса, но не отвлекающей от морального наставления. Образы персонажей утрачивают эпическую масштабность: Васудева и его братья предстают не как божественные герои, а как обычные люди, обуреваемые страстями и страдающие от последствий своих поступков, что служит наглядной иллюстрацией кармического воздаяния.

Особого внимания заслуживает трансформация образа Кришны. Если в «Маусалапарве» он, несмотря на человеческую смерть, сохраняет божественный ореол (его оплакивают боги, его тело недоступно тлению), то

в джатаке его образ полностью антропоморфен и этически неоднозначен. Он — предводитель разбойников, убийца собственных дядьев, и лишь в финале, перед смертью, он передает спутникам «науку жизни», которую можно интерпретировать как буддийскую дхамму. Такая трактовка характерна для джатак в целом: заимствованные фольклорные или эпические герои лишь номинально отождествляются с бодхисаттвой и его учениками, сохраняя при этом черты, далекие от буддийского идеала.

Таким образом, «Гхатапандитаджатака» представляет собой ценный источник, позволяющий реконструировать архаические формы сказаний о Кришне, бытовавшие в народной среде независимо от брахманистской ортодоксии. Она также демонстрирует механизмы адаптации популярных сюжетов буддийской традицией, которая использовала их как эффективное средство проповеди, не подвергая коренной идеологической переработке. Публикуемый в Приложении комментированный перевод памятника вводит в научный оборот текст «Гхатапандитаджатаки» и может служить основой для дальнейших исследований в области сравнительной мифологии и истории литературы древней Индии.

Список литературы / References

1. Джатаки. Из первой книги джатак. Пер. с пали Б. Захарьина. М.: Художественная литература, 1979. [*Jatakas. From the First Book of Jatakas*. Transl. from Pali by B. Zakharyin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1979. (in Russian)].
2. Джатаки, или сказания о подвигах Бодхисаттвы. Пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой СПб.: Издательство Чернышева, 1993. [*Jatakas, or Tales of the Bodhisattva's Deeds*. Transl. from Sanskrit by A. P. Barannikov, O. F. Volkova. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Chernysheva, 1993. (in Russian)].
3. Невелева С. Л. О чужеродности «Маусалапарвы» в составе «Махабхараты». *Махабхарата. Заключительные книги. XV–XVIII*. Под ред. С. Л. Невелевой, Я. В. Василькова. СПб.: Наука, 2005. С. 137–152 [Neveleva S.L. On the Foreignness of the *Mausala Parva* within the *Mahābhārata*. *The Concluding Books. 15th–18th*. Ed. by S. L. Neveleva, Ya. V. Vasilkov. Saint Petersburg: Nauka, 2005, pp. 137–152 (in Russian)].
4. Невелева С. Л. Эпическое текстосложение-II («Другой» Кришна). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2009. № 4. С. 72–88 [Neveleva S. L. Epic Text Composition-II ("The Other" Krishna). *Bulletin of the St. Petersburg University. Oriental and African Studies*. 2009. No. 4, pp. 72–88 (in Russian)].
5. Парибок А., Эрман В. Предисловие. *Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды*. СПб.: Возрождение, 2003. С. 3–20 [Paribok A., Erman V. Preface. *Jatakas: Selected Stories about the Past Lives of the Buddha*. Saint Petersburg: Vozrozhdenie, 2003, pp. 3–20 (in Russian)].
6. Эрман В. Предисловие. *Повести о мудрости истинной и мнимой*. Под ред. Г. Зорфа. Л.: Художественная литература, 1989 [Erman V. Preface. *Tales of*

- Wisdom True and False*. Ed. by G. Zograf. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989 [in Russian]].
7. Appleton N. *Jataka Stories in Theravada Buddhism: Narrating the Bodhisatta Path*. London: Routledge, 2016a.
  8. Appleton N. *Shared Characters in Jain, Buddhist and Hindu Narrative: Gods, Kings and Other Heroes*. New York: Routledge, 2016b.
  9. Bronkhorst J. *Greater Magadha: Studies in the Culture of Early India*. Leiden: Brill, 2007.
  10. Bronkhorst J. *Buddhism in the Shadow of Brahmanism*. Boston: Brill, 2011.
  11. Gombrich R. *The Vessantara Jātaka, the Rāmāyaṇa and the Dasaratha Jātaka*. *Journal of the American Oriental Society*. 1985. Vol. 105. No. 3, pp. 427–437.
  12. Gupta S. M. *Plant Myths and Traditions in India*. Rev. and enl. ed. Leiden: Brill, 2001.
  13. *Khuddakanikaya. Jātaka-Aṭṭhakathā. Sattamo Bhāgo*. Devanāgarī Edition of the Pāli Text. Igatpuri: Vipassana Research Institute, 199. (in Pāli).
  14. *Many Ramayanas: The diversity of a narrative tradition in South Asia*. Ed. by P. Richman. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1991.
  15. *The Mahābhārata. Āśramavāsikaparvan, Mausalaparvan, Mahāprastāntkaparvan [and] Svargārohaṇaparvan*. Vol. 19. Ed. by V. S. Sukthankar, S. K. Belvalkar. Bhandarkar Oriental Research Institute, 1959 (in Sanskrit).

Приложение

«Гхатапандитаджатака»

«Встань, Канха!». Эту историю о смерти сына Учитель⁵ рассказал в лесу Джетаване. Обстоятельства тогда были такими же, как и в джатаке о Муттха-Кундали. Тогда же Учитель спросил ученика: «У тебя горе, мой ученик?» «Да, господин», — ответил тот. «Ученик, в давние времена один мудрец слушал слова другого мудреца, и не печалился о смерти сына». И в ответ на просьбу он рассказал историю из прошлого.

В давние времена на севере, в стране Камса, в городе Астанджане, правил царь по имени Махакамса. У него было два сына, Камса и Упакамса⁶, и дочь по имени Девагаббха⁷. Когда она родилась, брахманы — толкователи знамений, предсказали: «Родившийся у нее сын уничтожит род Камсы». Царь очень любил свою дочь и не мог ее убить, он сказал: «Пусть решат братья», и, когда пришло время, умер. Когда он умер, Камса стал царем, а Упакамса — его первым помощником. Они подумали: «Если мы убьем свою сестру, то нас будут порицать, потому мы не будем выдавать ее замуж и будем за ней следить». Они приказали построить одноэтажный дворец и поселили ее там. Ее слу-

⁵ Учитель — эпитет Будды Шакьямуни.

⁶ Имена Махакамса, Камса и Упакамса переключаются с индуистскими мифами о Кришне, где его главным врагом был царь Камса (дядя Кришны, который пытался его убить).

⁷ Девагаббха — эквивалент имени Деваки (санскр. *Devakī*), матери Кришны в индуизме. Деваки также была сестрой Камсы, и пророчество о том, что ее сын убьет своего дядю, — центральный мотив кришнаитских легенд.

жанкой стала Нандигопы. Слуга по имени Андхакавенда, ее муж, охранял царевну.

В то время в Северной Мадхуре правил царь по имени Махасагара. У него было два сына, Сагара и Упасагара. Когда он умер, Сагара стал царем, а Упасагара его первым помощником. Упасагара был дружен с Упакамсой, с которым они вместе воспитывались у одного учителя. Он начудил в гареме брата Сагары и, испуганный, сбежал и пришел во владения Камсы к Упакамсе. Упакамса представил его царю, а царь оказал ему большие почести. Когда он шел на царское собрание, то увидел обитель Девагаббхи — одноэтажный дворец и спросил, кто в нем живет; услышав историю царевны, влюбился в нее. Девагаббха однажды увидела его, когда он шел на царское собрание с Упакамсой, спросила, кто это, и, услышав от Нандигопы, что это сын Махасагары по имени Упасагара, влюбилась в него. Упасагара подкупил Нандигопу и спросил ее: «Сестрица, сможешь ли мне увидеть Девагаббху?». Та сказала ему, что это не очень сложно, и рассказала об этом Девагаббхе. Влюбленная в него Девагаббха, выслушав эти слова, согласилась, Нандигопы подала Упасагаре знак и подняла его во дворец. Он остался с Девагаббхой. Их встречи продолжались, и Девагаббха понесла.

Постепенно ее беременность стала заметна. Братья спросили Нандигопу, а она, попросив, чтобы ей не причинили вреда, обо всем им рассказала. Выслушав ее, они сказали: «Мы не можем убить сестру, если у нее родится дочь, оставим ее, если родится сын, уьем его», и они выдали Девагаббху за Упасагару. Когда пришел срок, она родила дочь. Услышав об этом, братья обрадовались и назвали ее Анджанавеи. Братья отдали им во владение деревню Бхогаваддхамана. Упасагара взял в жены Девагаббху и зажил с ней в деревне Гаваддхамана. Девагаббха снова понесла, и в тот же день понесла Нандигопы. Когда пришло время, Девагаббха родила сына, а Нандигопы дочь. Но Девагаббха, в страхе за сына, тайно передала своего сына Нандигопе, в обмен получив ее дочь. Она сообщила братьям, что у нее родился ребенок. Те спросили: «Кто родился, сын или дочь?». Она ответила: «Дочь». Братья сказали: «Тогда воспитывай ее!». Так Девагаббха родила десять сыновей, а Нандигопы десять дочерей. Десять сыновей росли у Нандигопы, а дочери — у Девагаббхи. И об этом никто не знал. Старшего сына Девагаббхи называли Васудева⁸, второго Баладева⁹, третьего Чандадева, четвертого Сурьядева, пятого Аггидева, шестого Варунадева, седьмого Аджуна, восьмого Паджуна, девятого Гхатапандита, десятого Анкура¹⁰. Они были известны как сыновья слуги Андхакавенды.

Когда они выросли, то стали очень выносливыми, сильными, грубыми и жестокими. Они занимались грабежом, грабили даже царские караваны.

⁸ Васудева — патроним почитаемого индуистского бога Кришны. В отличие от индуистских текстов «Махабхараты» или «Бхагавад-пураны», где Кришна — верховное божество, в джатаке он предстает как человек, охваченный земными страстями.

⁹ Баладева (Баларама) — старший брат Кришны.

¹⁰ Эти имена в индуизме носят известные боги или герои: Чанда, или бог луны, Сурья — бог солнца, Агни — бог огня, Варуна — бог водной стихии, Арджуна — один из Пандавов, главных героев «Махабхараты».

Люди пришли к царскому двору и стали жаловаться: «Десять сыновей Андхакавенды грабят царство». Царь приказал позвать Андхакавенду и грозно сказал ему: «Почему ты побуждаешь к грабежу своих сыновей?» Когда люди начали жаловаться на сыновей во второй и третий раз, царь пригрозил ему серьезнее. Тот, испугавшись смерти, попросил царя не причинять ему вреда и всё ему рассказал о том, что это не его сыновья, а Упасагары. Царь испугался и спросил министров, как схватить братьев, и те сказали, что братья любят подраться, поэтому надо устроить в городе состязания по кулачному бою, и когда они придут, схватить их и убить. Были подготовлены два борца, Чарура и Муттхика, под барабанный бой объявили о предстоящем состязании; построили ограду вокруг арены и украсили ее флагами и стягами. Весь город был взволнован этим событием. Круг за кругом, ряд за рядом были поставлены места, а Чарура и Муттхика, выйдя на арену, прыгали, кричали, хлопали в ладоши и бегали. Десять братьев пришли и, ограбив прачек, оделись в богатые одежды, они умастили свои тела украденными благовониями и повесили на себя похищенные гирлянды цветов, намазали себя мазями, вдели в уши серьги и, крича и хлопая в ладоши, вышли на арену.

Тогда на арену вышел, разминая руки, Чарура. Увидев его, Баладева сказал: «Я и рукой его не коснусь!» и, схватив в слоновнике подпруги, он с криком бросился к Чаруре и обхватил его вокруг живота подпругами, соединил концы вместе, крепко стянул их, поднял Чаруру в воздух, раскрутил над головой и выбросил за арену. Когда умер Чарура, царь послал за Муттхикой. Тот пришел, крича, подпрыгивая и хлопая в ладоши. Баладева повалил его, раздробив ему кости, а когда Муттхика закричал, что сдается, Баладева ответил, что ему это не важно, и, схватив за руку, ударил его о землю, а затем выбросил мертвого за арену. Умирая, Муттхика поклялся, что, сделавшись якшей¹¹, съест его. И он воплотился в Якшу в лесу Каламаттика. Царь, вскочив, приказал, чтоб схватили этих ужасных братьев. В этот момент Васудева метнул чакру, которая срезала головы двум братьям. Перепуганные люди упали на колени и взмолились о пощаде. Так, убив двух своих дядьев, десять братьев начали править вместе со своими родителями в городе Астинджане. Они решили захватить царство Джамбудвипа¹² и, подойдя к городу царя Калайонаки, осадили его, уничтожили окружающий его лес и разрушили стены. Царя они взяли в плен и получили власть в свои руки. Потом они дошли до Дваравати¹³. С одной стороны этого города было море, с другой — горы; считалось, что город охраняет какой-то дух.

Этот дух, имеющий облик осла, стоял на страже и, завидев врагов, громко ревел. Тогда силой магии весь город поднимался в воздух и переносился на остров посреди моря. И когда этот осел увидел, как подходят десять братьев, он заревел. Город взлетел и переместился на остров. Не видя города,

¹¹ Якша — мифическое существо, природный дух. Якши часто связаны с природными объектами (деревьями, водоемами) и сокровищами. Они могут быть как благосклонны к людям, так и враждебны.

¹² Джамбудвипа — древнее название Индии.

¹³ Дваравати (санскр. *Dvārakā*) — столица Кришны, основанная им на берегу моря.

братья повернули назад. Тогда он вернулся на прежнее место. Братья вновь направились к нему, но осел снова переместил город. Не в состоянии сами захватить город, они обратились к Канхе Дипаяне¹⁴: «Господин, мы не можем захватить царство Дваравати, расскажи нам о каком-нибудь средстве», и он сказал: «Во рву пасется осел. Увидев врагов, он ревет, и тогда город поднимается в воздух. Вы должны схватить его за ноги — вот вам и средство». Они простились с отшельником и, придя к ослу, схватили его за ноги и взмолились: «Господин, лишь ты можешь помочь нам. Когда мы будем захватывать город, не кричи». Осел ответил им: «Я не могу не реветь, но если вы придете раньше меня, и четверо из вас принесут большие железные плуги, и у четырех ворот города вы вкопаете в землю большие железные копыя, и когда город начнет взлетать, вы прикуете плуги железными цепями к копыям, тогда город не сможет взлететь». Они поблагодарили его, а он молчал, пока они тащили плуги и вкапывали в землю копыя у четырех городских ворот. Затем он заревел, и город начал взлетать. Но поскольку с четырех сторон города стояли железные плуги, прикованные к копыям, он не смог подняться. Десять братьев вошли в город, убили царя и захватили власть.

Так они покорили всю Джамбудвипу, и в шестидесяти трех тысячах городов они казнили чакрами всех царей, разделили свое царство на десять частей и жили в Дваравати. Но они забыли о своей сестре, царевне Анджане; и тогда они решили разделить царство на одиннадцать частей. Но Анкура сказал, чтоб его долю отдали сестре, а он сам будет зарабатывать себе на жизнь; а они должны будут распределять налог на его территорию между своими царствами. Они согласились и отдали его долю сестре, и с ней вместе они, девять царей, зажили в Дваравати, а Анкура занялся торговлей. Постепенно у всех у них родились сыновья и дочери. Прошло много времени, и их родители умерли.

Говорят, люди жили тогда по двадцать тысяч лет. Но вот умер горячо любимый сын великого царя Васудевы. Царь обезумел от горя и забросил все дела; он лежал, причитая и выламывая прутья кровати. Тогда подумал Гхатапандита: «Кроме меня, никто не сможет утешить моего брата. Так я найду способ утешить его». Изобразив безумие, он прошел через весь город, глядя в небо и выкрикивая: «Хочу зайца! Хочу зайца¹⁵!» Тревожная весть разнеслась по городу: «Гхатапандита сошел с ума!» Министр по имени Рохинейя пришел к царю и обратился к нему с первой гатхой¹⁶:

Встань, о Канха, почему ты лежишь, и глаза твои закрыты;
Твой родной брат попал в беду;
Могучие ветры развеяли его мудрость!

¹⁴ Кришна Двайпаяна — древний мудрец Вьяса.

¹⁵ По представлениям индийцев, пятна на луне напоминают зайца.

¹⁶ Гатха (пали *gāthā*) — буддийские стихи, в которых утверждаются положения учения Будды.

Так сказал министр. И когда он увидел, что царь встал, он проговорил вторую гатху:

И вот, услышав зов Рохинейи, длинноволосый Кешава¹⁷ встал,
Обеспокоенный несчастьем Гхаты.

Поднялся царь, быстро спустился из своих покоев и подошел Гхатапандите, схватил его обеими руками и обратился к нему с такими словами:

Почему ты, словно безумный, ходишь по всей Двараке
И кричишь: «Заяц! Заяц!» Скажи, кто забрал у тебя зайца.

На эти слова царя он отвечал лишь новыми криками о зайце. Тогда царь проговорил еще две гатхи:

Будь он из золота, или из драгоценных камней, железа или серебра,
Из раковин, камня или коралла, я сделаю тебе зайца.
И будут другие зайцы, пойманные в лесу,
И их тебе доставлю, скажи, какой тебе нужен?

Услышав слова царя, мудрец ответил так:

Не нужен мне земной заяц;
Я хочу лунного зайца, принеси же мне его, Кешава!

Царь, услышав его слова, подумал: «Несомненно, мой брат сошел с ума», и опечаленный, он сказал:

В горе ты умрешь, мой брат, если ты желаешь такого,
И просишь то, чего не может просить ни один человек — небесного зайца.

Гхатапандита, услышав слова царя, замер. «Брат мой, ты знаешь, что, если человек желает зайца с луны и не может получить его, он умрет; зачем же ты причитаешь по своему умершему сыну?», — спросил он и произнес восьмую гатху:

Если, Канха, ты это знаешь, и не можешь утешить чужую скорбь,
Почему ты до сих пор оплакиваешь давно мертвого сына?

Он продолжал говорить, стоя на улице: «Я, брат, прошу того, что существует, ты же тоскуешь по тому, кого нет». И он научил его, как быть, произнеся еще две гатхи:

«Мой сын родился, не дай же ему умереть!»
Ни человек, ни нелюдь не могут обрести такого.

---

¹⁷ Кешава — популярный эпитет Кришны.

Ни магия, ни волшебный корень, ни травы, ни деньги
Не могут вернуть к жизни дух, что ты оплакиваешь, Канха.

Царь так ответил на эти слова: «Твои намерения были благими, ты сделал это, чтоб рассеять мое горе». И, восхваляя Гхатапандиту, он произнес четыре гатхи:

Мои министры могут дать мне хороший совет,
Но как же сегодня Гхатапандита раскрыл мои глаза!
Я горел, словно огонь, в который подливают масло.
Но вот принесли воду, и утомили боль моей утраты.
Тоска по моему сыну стрелой засела в моем сердце,
Но ты утешил мою скорбь и убрал острие.
Извлечена стрела, нет боли, я спокоен,
Послушай, я больше не тоскую и не плачу.

И еще:

Так поступают сострадательные, и те, кто достаточно мудры;
Они освобождают от боли, так сделал и Гхата, мой старший брат.

Таковы гатхи о величайшей мудрости.

Так Васудева был утешен царевичем Гхатой. Он управлял страной, и вот прошло много времени, и сыновья десяти братьев подумали: «Говорят, Канхадиपाена наделен даром божественного видения. Давайте это проверим». Они нарядили мужчину и подложили ему подушку на живот, словно он ждал ребенка. Они спросили Канху Диपाюну: «Господин, кого родит эта женщина?» Отшельник понял, что пришло время гибели десяти правящих братьев, а также осознал, что одновременно с ними умрет и он. Затем он спросил царевичей, кто для них этот человек. Но те настаивали, чтобы он отвечал. И он сказал: «На седьмой день этот человек родит палицу из дерева акация. Ею он уничтожит род Васудевы, хотя бы вы сожгли палицу и бросили ее пепел в реку». «Ты ненастоящий провидец! Мужчина не может никого родить!» — сказали они и, сделав веревку, убили отшельника. Короли послали к царевичам узнать, зачем те убили отшельника и, все услышав, очень испугались. Они поставили охрану вокруг того мужчины, и когда на седьмой день из его живота появилась палица, они сожгли ее и бросили пепел в реку. Пепел понесло течением и прибило к берегу у главных ворот; и там выросла трава *эрака*¹⁸.

Однажды цари решили пойти совершить омовение в воде. Они пришли к главным воротам. Там был построен великолепный павильон, и в нем они сидели, пили и ели. Затем они начали соревноваться — кто кого пересилит, разделились на две команды и споры между ними становились все более шумными. Наконец один из них, не найдя в качестве оружия ничего лучше,

¹⁸ См о ней: [Gupta, 2001, p. 84]. Эрака — это рогоз слоновый (лат. *Turra elephantina*) — крупное многолетнее околотовое растение, отличающееся мощным ростом и длинными, темно-коричневыми соцветиями-початками.

чем лист *эраки*, вырвал его, а тот в его руке сразу превратился в палицу из дерева акация. Ею он многих убил. Остальные тоже стали рвать листья, и те превращались в палицы, которыми они избивали друг друга, пока все не были убиты. Пока они истребляли друг друга, четверо из них — Васудева, Баладева, их сестра царица Анджана и жрец — взошли на колесницу и унеслись прочь. Остальные все погибли. Теперь эти четверо, умчавшись на колеснице, въехали в лес Каламаттика. Здесь, согласно своей клятве, в образе чудовища родился борец Муттхика. Увидев, что приближается Баладева, он сотворил в этом месте деревню и, приняв обличье борца, начал скакать вокруг, разминать пальцы и кричать: «Кто хочет со мной сразиться?». Баладева, как только увидел его, сказал: «Брат, я попробую сразиться с этим человеком». Васудева пытался его отговорить, но тот спустился с колесницы и направился к Муттхике, разминая пальцы. Муттхика сразу схватил его за голову и проглотил, словно редиску. Поняв, что он погиб, Васудева шел всю ночь вместе с сестрой и жрецом, и на рассвете подошел к выходу из деревни. Он лег под кустом и послал сестру и жреца в деревню с поручением приготовить немного еды и принести ему. И тут охотник по имени Джара¹⁹ заметил, что куст шевелится, и подумал, что это свинья. Он выстрелил, и проткнул стрелой ногу Васудевы. «Кто ранил меня?» — спросил Васудева. Охотник, обнаружив, что ранил человека, в ужасе пустился бежать. Царь встал и позвал охотника: «Возвращайся, не бойся!», а когда тот подошел, Васудева спросил: «Кто ты?» «Меня зовут Джара, господин». «Умирают те, кого ранит Старость, так говорили древние. Без сомненья, я должен сегодня умереть», — подумал царь. Потом он сказал, чтоб тот не боялся, а подошел и перевязал его рану. Когда рана была перевязана, царь отпустил охотника. Он почувствовал ужасную боль, и не мог есть пищу, которую приносили ему. Тогда он обратился к спутникам со словами: «Сегодня я умру, а вы слишком хрупки, и не сможете научиться сами тому, как жить, потому научитесь этому у меня». Так сказав, он научил их науке жизни и отпустил, и сразу умер. Кроме царицы Анджаны, все они погибли.

Когда Учитель закончил свою речь, он произнес: «Ученик, вот как люди освобождались от горя по сыну, слушая слова мудрого человека; не думай об этом». Затем он провозгласил Истины²⁰ (в заключение чего ученик вступил на Первый Путь²¹) и растолковал перерождения: «Тогда Ананда был Рохинейей, Шарипутта²² — Васудевой, последователи Будды — остальными людьми, а сам я был Гхатапандитой»²³.

¹⁹ Джара (санскр. *Jarā*, букв. «старость») — то же имя носил охотник в «Маусалапарве».

²⁰ *Saccanī* — восемь благородных истин буддизма, составляющие Восьмеричный Путь, ведущий к избавлению от страданий.

²¹ Первый Путь — начало Восьмеричного Пути, на который вступают новообращенные буддисты.

²² Ананда, Рохинейя, Шарипутта — наиболее известные ученики Будды, которые часто фигурируют в джатаках.

²³ «Гхатапандитаджатака» имеет «рамочную композицию», характерную для всего жанра джатак. В данном случае, история гибели рода — это «повесть о прошлом»

Информация об авторе

Шишова-Маретина Ксения Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории музейных технологий Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; maretina@kunstkamera.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2445-4050>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена рецензентами 17.04.2026; принята к публикации 26.05.2026; опубликована 20.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Ksenya A. Shishova-Maretina — Ph. D. (Philol.), research fellow at the Laboratory of Museum Technologies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; maretina@kunstkamera.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2445-4050>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 26.05.2026; published 20.06.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

(*atitavatthu*), иллюстрация. Ее обрамляет «повесть о настоящем» (*raccuppannavatthu*) — конкретный случай из жизни Будды, который и послужил поводом для поучения.